

Научная статья

УДК 81-5
DOI 10.25205/2307-1737-2022-1-400-421

**Абсурд как метаязыковой код
(на материале художественных текстов
абсурдистской эстетики)**

Михаил Александрович Кравченко¹
Оксана Викторовна Кравченко²

¹ Ростовский государственный университет путей сообщения
Ростов-на-Дону, Россия

² Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал)
Ростовского государственного экономического университета
Таганрог, Россия

¹ mak@rgups.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6776-4131>

² oksanka_2007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6916-3236>

Аннотация

Представлены результаты анализа проявлений метаязыковой рефлексии в художественных текстах абсурдистской эстетики. Изучение феноменов метаязыка, в конкретном случае явлений языкового абсурда, выступающих в качестве метаязыкового кода, позволяет утверждать, что язык художественной литературы – прямое воплощение творческой метаязыковой рефлексии автора, метаязыковая деятельность которого обеспечивает решение широкого круга текстологических задач: от подбора лексических средств и синтаксических конструкций до построения глубоких семантических аллюзий, создающих содержательную полифонию художественного текста.

Ключевые слова

метаязык, метаязыковая рефлексия, метаязыковой код, метаязыковая деятельность, явления языкового абсурда

© Кравченко М. А., Кравченко О. В., 2022

Для цитирования

Кравченко М. А., Кравченко О. В. Абсурд как метаязыковой код (на материале художественных текстов абсурдистской эстетики) // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 400–421. DOI 10.25205/2307-1737-2022-1-400-421

The Absurd as a Metalanguage Code (Based on the Material of Artistic Texts of Absurdist Aesthetics)

Mikhail A. Kravchenko ¹, Oksana V. Kravchenko ²

¹ Rostov State Transport University
Rostov on Don, Russian Federation

² Taganrog Institute named after A. P. Chekhov
(Branch) Rostov State Economic University
Taganrog, Russian Federation

¹ mak@rgups.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6776-4131>

² oksanka_2007@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6916-3236>

Abstract

The paper presents the results of the analysis of the manifestations of metalanguage reflection in the artistic texts of absurdist aesthetics. The study of the phenomena of metalanguage, in the specific case of the phenomena of linguistic absurdity, acting as a metalanguage code, allows us to assert that the language of fiction is a direct embodiment of the creative metalanguage reflection of the author, whose metalanguage activity provides a solution to a wide range of textual problems: from the selection of lexical means and syntactic constructions to the construction of deep semantic allusions that create a meaningful polyphony of a literary text.

Keywords

metalanguage, metalanguage reflection, metalanguage code, metalanguage activity, phenomena of linguistic absurdity

For citation

Kravchenko M. A., Kravchenko O. V. The Absurd as a Metalanguage Code (Based on the Material of Artistic Texts of Absurdist Aesthetics). *Critique and Semiotics*, 2022, no. 1, pp. 400–421. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2022-1-400-421

Представления о естественном языке как о коммуникативном коде самого высокого уровня на современном этапе развития науки можно считать общепринятыми и даже банальными. Язык принято рассматривать в качестве наиболее развитой семиотической системы, номинативные и когнитивные возможности которой существенно превосходят аналогичные возможности иных знаковых систем. При этом вопрос о том, на чем зиждется и через что проявляется преимущество естественного языка, зачастую либо вообще остается «за скобками», либо не получает четкого и однозначного истолкования. Действительно, в чем коренится основное отличие естественного языка от других знаковых систем? Считаем, что ответ на поставленный вопрос лучше всех сформулирован классиком мирового языкознания Э. Бенвенистом, который обоснованно разделил все семиотические системы на артикулирующие (самочленящиеся) и артикулируемые (несамочленящиеся). По мысли Э. Бенвениста, первые (именно к этой категории относится естественный язык) являются интерпретирующими системами, вторые – интерпретируемыми. Уникальность языка состоит в том, что «никакая другая система не располагает соответствующим “языком”, с помощью которого она могла бы сама создавать свои категории (самоинтерпретироваться) и самоинтерпретироваться в соответствии со своими семиотическими отличиями, тогда как язык в принципе может категоризовать и интерпретировать всё, включая и самого себя» [Бенвенист, 1974, с. 85].

Таким образом, исключительные возможности языка как семиотической системы заключаются в способности к интерпретации и (что особенно важно) к самоинтерпретации. Эти возможности целесообразно определить как метаязыковой потенциал естественного языка. Действительно, ни один коммуникативный код не может сравниться с языком в возможностях самоинтерпретации и самоописания. Способность к метаязыковым операциям обеспечивает особый статус языка как семиотической системы.

Р. О. Якобсон выделял метаязыковую функцию как одну из базовых функций языка. Причем Р. О. Якобсону принадлежит заслуга широкого толкования метаязыка: не только как языка «второго порядка», который выступает инструментом исследования языка-объекта (иными словами, лингвистического метаязыка), но как инструмент интерпретации собственных семантических средств [Якобсон, 1975, с. 201–202].

В современной лингвистике значительное число исследований посвящено изучению именно метаязыковых ресурсов языка. Научный интерес к метаязыку и его разнообразным проявлениям в текстах в последние де-

сятилетия неуклонно растет. В этой связи эволюционирует и само понятие «метаязык». Так, анализ разнообразных контекстов научного употребления термина «метаязык» дает основание полагать, что в современной лингвистике он имеет как минимум три значения.

Первое, «классическое», значение нашло отражение в соответствующей статье большого энциклопедического словаря «Языкознание». В ней метаязык трактуется как «язык “второго порядка”, по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как “язык-объект”, т. е. как предмет языковедческого исследования» [Гвишиани, 1998, с. 297]. В данном значении термина речь идет о научном, лингвистическом описании языка. Этим объясняется употребление в качестве эквивалента термину «метаязык» словосочетания «метаязык лингвистики».

Если первое значение ограничивается указанием на терминологический аппарат науки лингвистики, то второе значение наделяет метаязык широкими возможностями естественного языка, заключающимися в семантической самоинтерпретации. К метаязыку в широком смысле относятся «...все языковые средства, референт которых способен присутствовать в языке и речи», и которые направлены на то, чтобы «эксплицировать все связанные с языком и его использованием явления, давать им метаимена и метаквалификацию» [Рябцева, 2005, с. 439]. Метаязык во втором значении термина манифестируется в факте толкования значения языковых единиц с помощью внутрисистемных средств, в явлениях метаречевых и метатекстовых маркеров.

Наконец, в основе третьего значения термина «метаязык» лежит способность естественного языка передавать кванты смысла, не вытекающие прямо из пропозиционального содержания высказывания. В этом случае метаязыком называют средства естественного языка, в которых реализуется скрытый семантический код повествования. Метаязык (в третьем значении термина) опосредованно транслирует содержательные константы концептуальной картины мира, является средством репрезентации глубинных пластов человеческого сознания.

Отметим, что для решения задач настоящей статьи мы большей частью используем термин «метаязык» в третьем из указанных значений. Метаязык рассматривается нами как скрытый семантический код. Примеры реализации такого кода содержатся в художественных текстах абсурдистской эстетики.

В качестве психического субстрата метаязыка выступает метаязыковое сознание. Метаязыковые операции являются производными деятельности

метаязыкового сознания (о соотношении понятий «языковое сознание» и «метаязыковое сознание см. в [Кравченко М., Кравченко О., 2015]). Именно способность продуцента (реципиента) к рефлексии над языковым кодом обеспечивает возможность производства и понимания метатекстовых конструкций. Если говорить еще шире, то вслед за Н. О. Золотовой можно утверждать, что «рефлексивность обыденного сознания обеспечивает основу (мета)когнитивных процессов и создает условия для использования метаязыка...» [Золотова, 2019, с. 57].

В исследовательском поле современной лингвистики вопросы изучения способов отражения метаязыковой рефлексии в тексте и дискурсе занимают одно из центральных мест. В последние два десятилетия этим вопросам посвящен ряд значительных монографических и диссертационных исследований (см. [Ростова, 2000; Золотова, 2005; Рябцева, 2005; Вепрева, 2005; Перфильева, 2006; Шарафутдинова, 2010; Шумарина, 2011; Козлова, 2012; Бойкова, 2017] и др.). Проведенные исследования показывают, что проявления метаязыковой рефлексии могут затрагивать языковые единицы разных уровней. Иными словами, метаязыковая рефлексия не находит однозначного воплощения в специальных единицах языка и речи. Выявление «метаязыкового напряжения» становится возможно только в результате комплексного подхода к анализу и интерпретации семантики текста. Для обозначения фрагмента текста (дискурса), в котором воплощается метаязыковая рефлексия, используются, как правило, термины «метатекст» и «рефлексив». Первый из упомянутых терминов характеризуется большей частотностью. Однако в последние годы наметилась тенденция вытеснения из лингвистического дискурса термина «метатекст» термином «рефлексив» при обозначении «метаязыковых контекстов». Это связано с неоднозначностью самого термина «метатекст», а также с полным соответствием внутренней формы термина «рефлексив» выполнению возложенной на него номинативной функции. В данной работе мы употребляем оба этих термина в качестве полных эквивалентов.

Метаязыковая рефлексия представляет собой сложное и многоаспектное явление. Поэтому лингвистика стремится к установлению и описанию ее непротиворечивой типологии. Не углубляясь в суть вопроса, заметим, что только на основании специфики выполняемых целей и задач метаязыковую рефлексия можно разделить на три вида: обыденную, научно-исследовательскую и творческую.

Обыденная метаязыковая рефлексия – это инструмент познания языкового кода рядовым носителем языка. Последний, помещая в фокус своего

воспринимающего и интерпретирующего сознания элементы языкового кода или связанные с ним действия и операции, выступает в роли наивного лингвиста. В результате подобного рода деятельности наивных лингвистов возникла целая система суждений и представлений о языке, которую принято называть «наивной лингвистикой», «обыденной лингвистикой», «бытовой лингвистикой», «folk linguistics». Эта «отрасль» деятельности метаязыкового сознания является наиболее изученной. Изучение ведется в русле теории обыденной лингвистики, которая за последние десятилетия добилась серьезных успехов [Кашкин, 2002; Язык о языке, 2000; Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика, 2008; Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты, 2009].

Научно-исследовательская метаязыковая рефлексия предполагает осознанное глубокое рассмотрение языкового кода на профессиональном уровне. Этот вид метаязыковой рефлексии свойственен лингвистам-профессионалам. В результате научно-исследовательской рефлексии развиваются и систематизируются научные представления о языке. Данный вид метаязыковой деятельности изучается в рамках металингвистики [Сорокина, 2007; Бугорская, 2009; Немыка, 2017].

Наконец, творческая метаязыковая рефлексия проявляется в тех случаях, когда имеет место специальное осмысление языкового кода или его элементов с целью создания нешаблонных, «авторских» конструкций. Эта деятельность особенно востребована в условиях профессионального создания текстов, которые предполагают наличие креатива в процессе семиозиса. К сферам, требующим постоянного обращения к творческой метаязыковой рефлексии, необходимо отнести журналистику, связи с общественностью, рекламу, копирайтинг, юриспруденцию и др. Профессионалы названных областей не могут состояться без глубокого «чувства языка».

Особенно важную роль метаязыковая рефлексия играет в процессе создания литературных произведений. Феномен метаязыка тесно связан с вопросами литературного творчества. С уверенностью можно заявить о том, что язык художественной литературы – прямое воплощение творческой метаязыковой рефлексии автора. Метаязыковая деятельность автора обеспечивает решение широкого круга текстологических задач: от подбора лексических средств и синтаксических конструкций до построения глубоких семантических аллюзий, создающих содержательную полифонию художественного текста. Изучение метаязыковых конструкций в художественных текстах составляет специальный предмет лингвистических ис-

следований [Шумарина, 2011; Андрусенко, 2012; Кузнецова, 2020]. По утверждению М. Р. Шумариной, изучение рефлексивов дает ключ к анализу художественного текста [Шумарина, 2011, с. 218–230]. Использование рефлексивов в литературном произведении отличается полифункциональностью: может выступать как способ характеристики персонажей, как маркер авторского отношения к описываемым событиям, как способ актуализации подтекста, как инструмент обозначения мировоззренческой позиции и т. д.

Цель настоящей статьи заключается в исследовании проявления метаязыковой рефлексии в художественных текстах абсурдистской эстетики. В качестве метаязыкового кода в абсурдистских произведениях выступают явления языкового абсурда. Под языковым абсурдом мы понимаем ненормативные или противоречащие реальной дискурсивной ситуации языковые конструкции.

Абсурд в литературных произведениях, как известно, нельзя сводить к бессмыслице, наоборот, абсурд – чрезвычайно ёмкое и семантически нагруженное образование. Абсурд стремится оспорить доминирующее мировоззрение, указать на альтернативу «другого смысла». Так, по словам Р. Барта, уничтожить смысл невозможно, и «...нет ничего более “значашего”, чем попытки от Камю до Ионеско поставить смысл под вопрос или же разрушить его. Собственно говоря, у смысла может быть только противоположный смысл, то есть не отсутствие смысла, а именно обратный смысл» [Барт, 1989, с. 288]. В нашем понимании, абсурд представляет собой своеобразный культурный механизм, создающий центробежную силу и противостоящий формированию единого безальтернативного мировоззрения.

Исследованию феномена абсурда в текстах художественных произведений посвящена обширная литература (см. [Новикова, 2001; Скоропанова, 2002; Токарев, 2002; Абсурд и вокруг, 2004; Максимов, 2004; Мароши, 2006; Буренина-Петрова, 2005; Гревцев, 2007] и др.). Особенность настоящего исследования заключается в рассмотрении языкового абсурда как метаязыкового кода, как маркера метаязыковой рефлексии автора художественного текста.

Художественные тексты абсурдистской эстетики буквально пронизаны метаязыковыми контекстами. Метаязыковая рефлексия автора опредмечивается в явлениях языкового абсурда. При этом факт метаязыковой рефлексии в художественных текстах может выражаться как эксплицитно, так и имплицитно.

Эксплицитное выражение метаязыковой рефлексии подразумевает наличие фрагмента текста, в котором в более или менее развернутом виде осуществляется комментарий по поводу значения, особенностей употребления, внутренней или внешней формы языковой единицы, оказавшейся в фокусе внимания рефлексирующего сознания. В случае эксплицитного выражения метаязыковой рефлексии соответствующие отрезки текста представляют собой высказывания о языке или его элементах. Результаты рефлексии лежат на поверхности. Однако, как показывает анализ текстов с явлениями языкового абсурда, выражение метаязыковой рефлексии в большинстве случаев носит имплицитный характер. Результаты этой рефлексии представлены в свернутом виде: в тексте отсутствуют прямые указания на размышления автора над языковой материей, а метаязыковые контексты устанавливаются по косвенным показателям.

Проведенное исследование позволило установить систему внутритекстовых маркеров метаязыковой рефлексии. Указанные маркеры свидетельствуют о процессе и результатах рефлексии языкового сознания над языковыми единицами, обозначают «зоны метаязыкового напряжения». В художественных текстах абсурдистской эстетики могут быть выделены маркеры эксплицитного выражения метаязыковой рефлексии и маркеры имплицитного выражения метаязыковой рефлексии.

При эксплицитном выражении метаязыковой рефлексии метаязыковые контексты, как правило, характеризуются структурным единообразием. Эксплицитные рефлексивы состоят из следующих обязательных компонентов: 1) языковой знак (обычно – слово), представляющий собой объект рефлексии; 2) метаязыковой оператор (обычно – слова с метаязыковой семантикой: *слово, имя, называться, означать* и др.); 3) метаязыковой комментарий по поводу формы или содержания объекта рефлексии. Такого рода рефлексивы могут занимать разный объем в пространстве художественного текста: от отдельного высказывания или его части (в большинстве случаев) до сложного синтаксического целого.

В функции внутритекстовых маркеров эксплицитного выражения метаязыковой рефлексии используются лексемы с метаязыковой семантикой. В качестве примера эксплицитного рефлексива приведем фрагмент из романа Т. Толстой «Кысь»:

А есть журнал «Картофель и овощи», с картинками. А есть «За рулем». А есть «Сибирские огни». А есть «Синтаксис» (объект рефлексии. – *М. К., О. К.*), слово (метаязыковой оператор. – *М. К., О. К.*) какое-то вроде как не-

пристойное, а что значит, не понять. Должно матерное (метаязыковой комментарий. – М. К., О. К.).

В эксплицитных рефлексивах абсурд порождается содержанием метаязыкового комментария. Содержание комментария разрушает сложившиеся у читателя представления о семантике термина – объекта рефлексии. Языковой знак перестает передавать закрепленное за ним в системе значение. Эффект абсурдности становится результатом семантического коллапса.

Метаязыковой комментарий эксплицитного рефлексива может говорить об одновременном разрушении формы и семантики слова:

...разве она не может иссякнуть? Ты произнес сейчас странное слово, что ты сказал, что это за слово – сяку? (С. Соколов, «Школа для дураков»).

Но в большинстве случаев метаязыковой комментарий свидетельствует о глубокой трансформации семантики знака, что приводит к противоречию при ее сравнении с «традиционным», словарным значением знака. Общеупотребительные слова вдруг лишаются своего содержания:

– Вот я вас все хочу спросить, Бенедикт. Вот я стихи Федора Кузьмича, слава ему, перебеваю. А там все: конь, конь. Что такое «конь», вы не знаете? Бенедикт подумал. Ещё подумал. Даже покраснел от натуги. Сам столько раз это слово писал, а как-то не задумывался. – Должно быть это мышь. – Почему вы так думаете? – А потому что «или я тебя не холью, али ешь овса не вволю?» Точно мышь. – Ну а как же тогда «Конь бежит земля дрожит»? – Стало быть, крупная мышь. Ведь они как начнут возиться – другой раз и не уснешь. Ведь помните, Фёдор Кузьмич, слава ему, тоже пишет: «Жизни мышья беготня, что тревожишь ты меня?» Мышь это, точно (Т. Толстая, «Кысь»).

Одним из основных постулатов, нашедших отражение в художественных текстах абсурдистской эстетики, является утверждение об отсутствии объективного компонента в значениях слов, что, в свою очередь, делает невозможным полное и адекватное понимание коммуникантами друг друга. Постмодернистская литература развивает тезис о том, что значение знака не принадлежит объективной системе языка, а представляет собой продукт индивидуального сознания личности. Отсюда проистекает вывод о том, что как не существует двух одинаковых личностей, так невозможно семантическое тождество слов, употребляемых этими личностями. Каждый человек вкладывает в слово уникальное содержание, а обобщенные определения не достижимы. Данная мифологема о языке нашла отражение

в развернутом эксплицитном рефлексиве в тексте романа С. Соколова «Школа для дураков»:

Не спрашивайте также, на какой год, месяц или век жизни составил я свой календарь, ибо я не знаю, что означают упомянутые слова, и вы сам, произнося их, тоже не знаете этого, как не знаете и такого определения времени, в истинности которого я бы не усомнился. Смиритесь! ни вы, ни я и никто из наших приятелей не может объяснить, что мы разумеем, рассуждая о времени...

Следует отметить, что в художественных текстах абсурдистской эстетики случаи эксплицитного выражения метаязыковой рефлексии относительно редки. Значительно более частотными и разнообразными являются примеры имплицитного выражения метаязыковой рефлексии. Зоны метаязыкового напряжения устанавливаются не благодаря явно представленным в тексте метаоператору, объекту рефлексии и метаязыковому комментарию, а благодаря явлениям языкового абсурда, которые создаются в результате экспериментов над формой и содержанием языковых знаков. Любой эксперимент над языковой материей а priori предполагает интенсивную деятельность рефлексивного сознания. Ввиду структурного богатства и неоднородности явлений языкового абсурда внутритекстовые маркеры имплицитного выражения метаязыковой рефлексии отличаются особым разнообразием (в классификации, предложенной М. Р. Шумариной, подобные типы маркеров могут быть отнесены к «аналогам метаоператоров» и «нулевым метаоператорам» [Шумарина, 2011, с. 82]). Маркеры целесообразно разделить на две категории. К первой категории относятся маркеры, отражающие рефлексивность над формой знака; ко второй – над смыслом, семантикой знака. Поочередно рассмотрим обе категории маркеров.

Маркеры первой категории связаны с экспериментами над языковой материей. В художественном тексте такие эксперименты, как правило, принимают форму игры с орфографией или графикой слов. Обращение к игре с формой знака объясняется в первую очередь сформированными у носителей языка представлениями о неразрывной связи формы и содержания знаков: с изменением формы меняется содержание. Такого рода игра выступает сигналом наличия в тексте специального семантического кода. Маркерами имплицитных рефлексивов выступают трансформации орфографической или графической оболочки слова. Так, одним из наиболее типичных маркеров метаязыковой рефлексии является нетрадиционная

орфография слова. Последняя зачастую сопровождается дополнительными параграфемными средствами (в приведенных ниже примерах – капитализацией) с целью усиления эффекта абсурдности:

Уперлась: три, говорит, поколения ЭНТЕЛЕГЕНЦЫИ в роду было, не допущу прерывать ТРОДИЦЬЮ (Т. Толстая, «Кысь»);

У меня ОНЕВЕРСТЕТЦКОЕ АБРАЗОВАНИЕ (Т. Толстая, «Кысь»).

Распространенным маркером метаязыковой рефлексии является прием декомпозиции формы слова. При реализации этого приема рефлексив может быть представлен либо в виде знака с неоправданным дефисным написанием:

Сам нипочем не догада-ешься (Т. Толстая, «Кысь»);

Страницы вырывают, немытыми руками ли-стают (Т. Толстая, «Кысь»);

либо в виде знака с неоправданным раздельным написанием, что формально приводит к восприятию одного слова как двух разных:

«...вы срочно вы зываетесь объявления вы говора...» (Б. Ахмадулина, «Много собак и собака»);

А Никита Иваныч говорит, что Бенедикт не ВРАСТЕНИК (Т. Толстая, «Кысь»).

В качестве маркеров имплицитного выражения метаязыковой рефлексии могут выступать явления языкового абсурда, образованные в результате действия приемов языковой игры, таких, как окказиональная контаминация, приводящая к абсурдизации текста:

...Господь, благодарю за равенство календарю...календарю, календарю...календарю тебя, Господь (А. Битов, «Прощальные деньки»);

или таких, как паронимическая аттракция, которая, имитируя метаязыковой процесс выбора слова, в итоге превращается в бессодержательную «перекличку» лексем или псевдолексем:

Считать слонов и заснуть, восславя беспомощность как божий мар, гар, жар... (В. Ерофеев, «Приспущенный оргазм столетья»).

Эксперименты с формой слова могут заканчиваться полным ее разрушением. Форма знака исчезает как таковая. В таких случаях маркером метаязыковой рефлексии становится нулевой знак, а рефлексив представлен в виде высказывания с незамещенной синтаксической позицией:

С целью вызвать у Ш. чувство ревности и тем воскресить былое, П. решается на один из (С. Соколов, «Палисандрия»);

...жизнь дается человеку один раз, и прожить её надо так, чтобы (С. Соколов, «Школа для дураков»).

Маркеры второй категории не связаны с рефлексией над оболочкой слов, а напрямую касаются экспериментов с семантикой знаков, экспериментов со смыслом. Метаязыковая рефлексия над смыслом проявляется не через создание языковых единиц особой формы и специальной структуры, а через отношения языковых единиц на синтагматической оси, внутри семантической ткани текста. Анализ собранного в ходе исследования эмпирического материала позволяет утверждать, что макропоказателем имплицитного выражения метаязыковой рефлексии над смыслом является нарушение разного рода сочетаемости языковых единиц, разрушение семантических связей в тексте. Как известно, связность текста (дискурса) обеспечивается формальными и содержательными характеристиками. Для обозначения формальной связности в современной лингвистике используют термин «когезия», содержательную связность называют «когерентностью» [Макаров, 2003, с. 147]. Нарушение сочетаемости может касаться как формальной стороны (синтаксическая сочетаемость), так и содержательной (семантическая сочетаемость).

Нарушение формальной связности единиц текста (когезии) приводит к абсурдизации его фрагментов. При этом формальная связность может быть нарушена как на микросинтаксическом уровне (уровне словосочетания), так и на макросинтаксическом уровне (уровне сложного синтаксического целого).

Нарушение синтаксической сочетаемости на микросинтаксическом уровне приводит к созданию имплицитного рефлексива небольшого объема, который ограничен пределами словосочетания:

Вчера... я злоупотребил алкогольный напиток... (С. Довлатов, «Зона»);

Мы спим кровать (В. Нарбикова, «Равновесие света дневных и ночных звезд»).

Нарушение формальной связности на макросинтаксическом уровне приводит к утрате когезии текста (или его значительных фрагментов). На уровне сложного синтаксического целого о разрушении формальных связей между высказываниями свидетельствует параллельное развитие нескольких микротем и отсутствие анафоро-катафорических связей внутри

сложного синтаксического целого. Такого рода фрагменты текста образуют пространственные рефлексивы, границы которых с трудом поддаются однозначному определению:

Пробуждаются пьяные, стряхивают последние обороты, идут прямо. Конфисковали поместья, предоставив любому возможность поработать на овощной базе. Лев Толстой был бы первым энтузиастом. Ни прямо ничего хорошего, ни налево ничего хорошего, ни направо ничего хорошего, уже пришли. На одном яйце и хлебе дождались, когда что-нибудь зашевелится (В. Нарбикова, «Равновесие света дневных и ночных звезд»).

Следующим маркером имплицитного выражения метаязыковой рефлексии является нарушение семантической сочетаемости языковых единиц. При этом текст (его фрагменты) лишается одного из имманентных свойств – когерентности. Примеры нарушения когерентности показывают, что смысловое рассогласование элементов текста имеет разную семантическую природу. Причины этого рассогласования могут носить как внутриязыковой, так и экстралингвистический характер. В первом случае содержательные противоречия возникают в поле языковой (лексической) семантики, во втором случае они перемещаются в когнитивное пространство текста. Первые предлагаются рассматривать как случаи нарушения языковой семантики, вторые – когнитивной семантики.

Нарушения языковой семантики могут происходить на разных синтаксических уровнях: словосочетания, предложения, сложного синтаксического целого. На уровне словосочетания языковой абсурд порождается при нарушении лексической (фразеологической) сочетаемости двух слов, выдуманном, как правило, несоблюдением принципа однородности семного состава сочетающихся слов. Имплицитный рефлексив представлен в виде словосочетания, воспринимаемого читателем как лексическая или фразеологическая аномалия:

Вот юный дом с обветшалой штукатуркой... бескорыстный замок с проводами... (Б. Ахмадулина, «Много собак и собака»);

Разберем кирки и лопаты и маршем бодрой печали и горестного ликования отправимся хоронить своих мертвецов (С. Соколов, «Палисандрия»);

...а сама река медленно струилась мимо него и мимо нас вместе со всеми своими рыбами, плоскодонками, древними парусными судами... с яблоками раздора и грушами печали... (С. Соколов, «Школа для дураков»).

Семантические противоречия могут возникать на уровне предложения. Так, формально, грамматически правильно построенные предложения не

отвечают критерию их логической истинности. Смысл предложения теряется из-за рассогласования семантики его отдельных членов. В подобных случаях все предложение воспринимается как рефлексив:

В придаточных предложениях отлагаются соли (В. Ерофеев, «Приспущенный оргазм столетья»);

Они ели в воображении воспоминание (В. Нарбикова, «Шепот шума»).

В явном виде некогерентность текста проявляется на уровне сложного синтаксического целого. Смысловые связи разрываются на стыке грамматически верно и семантически правильно оформленных высказываний. Фрагмент текста образуется чередованием тематически несвязанных друг с другом сверхфразовых единств. Данный художественный прием имеет прямые параллели в поэтике кинематографа, где в специальных целях используется прием тематической переключки кадров. В приведенном ниже примере соположение тем «сакрального» и «профанного» многократно усиливает эффект абсурдности, возникший на фоне разрушения когерентности текста:

Через двор прошел старшина Евченко. Он пнул свинью ногой. Затем подобрал черенок лопаты, бесхозно валявшийся на траве... – В частях Советской Армии развивается благородная традиция, – говорил подполковник Мар. И дальше: – Солдаты и офицеры берут шефство над могилами павших воинов. Кропотливо воссоздают историю ратного подвига. Устанавливают контакты с родными и близкими героев... Утверждая таким образом неразрывную связь поколений... Свинью волокли на шершавой доске. Борта машины гулко вздрагивали... – Ваша рота дислоцирована напротив кладбища, – тянул подполковник, – и это глубоко символично. Нами установлено, что среди прочих могил тут имеются захоронения героев Отечественной войны. В том числе и орденосцев. Таким образом, создаются все условия для шефства над павшими героями... Свинью затащили в кузов. Она лежала неподвижно, только вздрагивали розовые уши... (С. Довлатов, «Зона»).

Перейдем к анализу примеров, содержащих когнитивные аномалии. Проблема семантической связности здесь выходит за рамки собственно языковой семантики. С точки зрения лексической сочетаемости и межфразовой связности фрагменты текста являются нормативными. Однако с целью создания эффекта абсурдности автор намеренно вводит в текст когнитивные противоречия, что позволяет квалифицировать подобные высказывания как имплицитные рефлексивы. Суть когнитивных аномалий заключается в создании семантического конфликта между содержанием

языковой, поверхностной части дискурса и содержанием экстралингвистической, глубинной его части. Иными словами, семантический конфликт лежит между ассертивным и презумптивным аспектами высказывания. Языковое содержание высказывания вступает в противоречия со знаниями, представлениями, опытом и иного рода когнициями, стоящими за конкретными компонентами высказывания.

Когнитивные аномалии реализуются на различных синтаксических уровнях. Они могут проявляться на уровне словосочетаний и уровне отдельных высказываний. Когнитивные аномалии имеют место в словосочетаниях, в которых лексическое значение одного из слов вступает в противоречие с когнитивным содержанием, раскрывающимся вне интенционала лексического значения другого члена словосочетания:

Сообщалось о гибели знаменитого бедуинского лесоруба, видного индийского матадора, почетного монтекарлского нищего (С. Соколов, «Палисандрия»).

В приведенном примере значение лексемы «лесоруб» ('рабочий, занимающийся рубкой, валкой леса') вступает в противоречие со значением лексемы «бедуинский» ('относящийся к бедуинам') ввиду того, что интенционал значения этого слова ('относящийся к кочевым арабам-скотоводам') дополняется в процессе восприятия и осмысления лексемы в том числе информацией об особенностях расселения бедуинов в пустынных и полупустынных районах, которые практически полностью лишены древесной растительности. Абсурд рождается также при соединении прилагательного «индийский» ('относящийся к Индии') с существительным «матадор» ('тореадор, наносящий шпагой смертельный укол быку'). Это объясняется тем, что интенционал лексемы «матадор» противоречит фоновым знаниям (национально-культурным представлениям о священности и неприкосновенности коров в индийской культуре), стоящим за словом «индийский». Подобные семантические отношения возникают между членами словосочетания «монтекарлский нищий», в котором интенционал значения слова «нищий» противостоит когниции о богатстве людей, живущих в Монте-Карло.

На уровне высказываний и текста когнитивные аномалии возникают в результате противопоставления пропозиционального содержания высказываний содержанию когнитивного фона, существующего вокруг высказывания. Так, в приведенных ниже примерах языковой абсурд порождает-

ся в результате противоречий между содержанием высказываний и фрейм-структурами «идеология фашизма» и «тюремный двор» соответственно:

...доктор Геббельс истерически орет по радио о пропасти, в которую фашизм увлек нацию, бывший комендант Освенцима возглавляет комиссию по отлову нацистских преступников, генералы СС просто и доходчиво говорят о либеральных ценностях... (В. Пелевин, «Generation “П”»);

В рассеянье раздвинул оконные шторы в спальне и впервые увидел тюремный двор. Двор как двор. Есть качели, песочница, небольшой фонтан. Есть беседка. Разбит arboretum, плавно переходящий в парк, окруженный забором. А далее – полный простор пасторального запустения: пажити, перелески, сады (С. Соколов, «Палисандрия»).

Как было показано выше, основным маркером имплицитного выражения метаязыковой рефлексии над смыслом в художественных текстах абсурдистской эстетики выступают факты нарушения сочетаемости между языковыми единицами. Однако этот маркер не является единственным в ряду метапоказателей рефлексии над содержанием языковых единиц. Метаязыковая рефлексия реализуется также в форме прагмакоммуникативных аномалий и асемантических конструкций.

Под прагмакоммуникативными аномалиями мы понимаем такие диалогические единства или их повествовательные аналоги, в которых нарушен принцип релевантности коммуникативного ответа. Случаи прагмакоммуникативных аномалий являются иллюстрацией утраты адекватности коммуникации. Формальным маркером прагмакоммуникативной аномалии, а значит, и метаязыковой рефлексии автора выступает несоответствие содержания ответа пропозициональной функции вопроса:

Вода текла, шумела, и ванна постепенно наполнялась, и вот смотритель спросил Трахтенберг: где кран? И старая женщина отвечала ему: у меня есть патефон... (С. Соколов, «Школа для дураков»);

Хлопнула дверь, и на крыльце появился мужчина в застиранной железнодорожной гимнастерке. Я поинтересовался, как найти Сорокина. – Толик меня зовут, – сказал он (С. Довлатов, «Заповедник»).

Под асемантическими конструкциями мы понимаем высказывания или их элементы, которые могут быть охарактеризованы как семантически неполные или семантически пустые. В асемантических конструкциях линейное развертывание означающих практически не приводит к приращению смысла. В художественных текстах абсурдистской эстетики асемантические конструкции, как правило, образуются по двум моделям:

1) посредством использования механизма семантического повтора; 2) посредством гипертрофированного использования дейктиков в высказывании.

Немотивированное коммуникативной ситуацией использование семантического повтора приводит к намеренной редукции смысла высказывания. Семантический повтор выступает при этом маркером метаязыковой рефлексии:

Однажды вечером, вечером одного из дней: мама, сегодня к нам в класс угрюмо пришел Перилло (С. Соколов, «Школа для дураков»);

Ей – сорок, она ещё молода, летом живет на даче, много купается – и настольный теннис, пинг-понг (С. Соколов, «Школа для дураков»).

Другим маркером имплицитного выражения метаязыковой рефлексии, реализованной в асемантических конструкциях, является гипертрофированное использование слов-дейктиков. Как известно, дейктики не способны выполнять номинативную функцию, они способны только идентифицировать объект. Иными словами, дейктики обладают весьма ограниченным семантическим потенциалом. Контактное немотивированное использование дейктиков существенно редуцирует смысл высказывания:

Я достаю патефон со шкафа. Довоенный патефон, купленный тогда-то и там-то. Кем-то (С. Соколов, «Школа для дураков»);

Начальник Такой-то: Те Кто Пришли интересуются судьбой некоторых контейнеров (С. Соколов, «Школа для дураков»).

В заключение отметим, что языковой абсурд в художественных текстах абсурдистской эстетики является проявлением рефлексивной деятельности метаязыкового сознания автора. Абсурд представляет собой форму реализации метаязыкового кода, который призван «говорить» о глубоких мировоззренческих вопросах и проблемах. Явления языкового абсурда целесообразно рассматривать в качестве рефлексивов, т. е. специальных метаязыковых контекстов. Рефлексивы в художественном тексте получают как эксплицитное, так и имплицитное выражение. Эксплицитные рефлексивы представлены высказываниями с метаязыковыми комментариями. При этом семантика абсурда раскрывается через содержание комментария. Но в большинстве случаев метаязыковой код абсурда воплощается в имплицитных рефлексивах. Имплицитные рефлексивы являются результатом экспериментов с формой или содержанием языковых знаков. К числу распространенных маркеров рефлексии над формой знака относятся приемы,

основанные на трансформации графики или орфографии слов, приемы паронимической аттракции и окказиональной контаминации. В качестве маркеров рефлексии над содержанием знака выступают различные способы нарушения когезии и когерентности текста.

Список литературы

Абсурд и вокруг: Сб. ст. / Под ред. О. Бурениной. М.: Языки славянской культуры, 2004. 448 с.

Андрусенко Е. А. Метаязыковая рефлексия в художественных текстах В. П. Астафьева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012. 27 с.

Барт Р. Литература и значение // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 276–296.

Бенвенист Э. Общая лингвистика / Под ред. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Бойкова Т. А. Личное имя как объект рефлексии (на материале метаязыковых высказываний русских и американцев): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 27 с.

Бугорская Н. В. Методологические проблемы описания лингвистической терминологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2009. 32 с.

Буренина-Петрова О. Д. Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половины XX века: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005. 40 с.

Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-Пресс, 2005. 384 с.

Гвишиани Н. Б. Метаязык // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998. С. 297–298.

Гревец М. С. Феномен абсурда в драматургических текстах разноязычных культур: когниолингвистический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 25 с.

Золотова Н. О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык. Тверь: Лилия Принт, 2005. 204 с.

Золотова Н. О. Рефлексивность обыденного сознания и естественный метаязык // Вопросы психолингвистики. 2019. №4 (42). С. 50–61.

Кашкин В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика. Воронеж, 2002. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. С. 4–34.

Козлова Е. Е. Заимствования как объект метаязыковой рефлексии рядовых носителей русского литературного языка (начало XXI века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2012. 25 с.

Кравченко М. А., Кравченко О. В. О соотношении понятий «языковое сознание» и «метаязыковое сознание» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 9 (51), ч. 1. С. 105–108.

Кузнецова А. В. Метатекст в художественном тексте: прагматика и функции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, вып. 9. С. 265–268.

Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

Максимов В. В. Анормативный текст: поэтика и дидактика // Критика и семиотика. 2004. № 7. С. 142–152.

Мароши В. В. К генезису нарратива абсурда: Л. Н. Толстой и Д. Хармс // Критика и семиотика. 2006. № 10. С. 98–112.

Немыка А. А. Метаязык лингвистики: научное и художественное представление: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2017. 39 с.

Новикова В. Ю. Языковой абсурд, его семантика и таксономические характеристики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2001. 17 с.

Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: Межвуз. сб. науч. ст. / Под ред. А. Н. Ростовской. Кемерово; Барнаул, 2008. 480 с.

Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты: коллективная монография / Отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово; Барнаул, 2009. Ч. 1. 532 с.; Томск, 2009. Ч. 2. 457 с.

Перфильева Н. П. Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2006. 42 с.

Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 194 с.

Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005. 640 с.

Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. СПб.: Невский простор, 2002. 416 с.

Сорокина Э. А. Когнитивные аспекты лексического проектирования (к основам когнитивного терминоведения): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 45 с.

Токарев Д. В. Курс на худшее: Абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Самюэля Беккета. М.: НЛЮ, 2002. 336 с.

Шарафутдинова Л. Ф. Метаязыковой потенциал естественного языка: на материале креолизованных текстов: Дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2010. 210 с.

Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста (метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): Монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 328 с.

Язык о языке: Сб. ст. / Под ред. Н. А. Арутюновой. М., 2000. 624 с.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

References

Andrusenko E. A. Metazykovaya refleksiya v khudozhestvennykh tekstakh V. P. Astafeva. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Kemerovo, 2012, 27 p. (in Russ.)

Arutyunova N. A. (ed.). Yazyk o yazyke. Sbornik statey. Moscow, 2000, 624 p. (in Russ.)

Bart R. Literatura i znachenie. In: Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika. Moscow, Progress, 1989, pp. 276–296. (in Russ.)

Benvenist E. Obshhaya lingvistika. Ed. by Yu. S. Stepanov. Moscow, Progress, 1974, 448 p. (in Russ.)

Boykova T. A. Lichnoe imya kak ob"ekt refleksii (na materiale metazykovykh vyskazyvaniy russkikh i amerikantsev). Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2017, 27 p. (in Russ.)

Bugorskaya N. V. Metodologicheskie problemy opisaniya lingvisticheskoy terminologii. Abstract of Dr. Philol. Sci. Diss. Barnaul, 2009, 32 p. (in Russ.)

Burenina O. (ed.) Absurd i vokrug. Sbornik statey. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2004, 448 p. (in Russ.)

Burenina-Petrova O. D. Simvolistsky absurd i ego traditsii v russkoy literature i kul'ture pervoy poloviny XX veka. Abstract of Dr. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2005, 40 p. (in Russ.)

Golev N. D. (ed.). Obydennoe metazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty. Coll. Monograph. Kemerovo, Barnaul, 2009, pt. 1, 532 p.; Tomsk, 2009, pt. 2, 457 p. (in Russ.)

Grevtsev M. S. Fenomen absurda v dramaturgicheskikh tekstakh raznoyazychnykh kul'tur: kogniolingvisticheskiy aspekt. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Stavropol, 2007, 25 p. (in Russ.)

Gvishiani N. B. Metayazyk. In: Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow, 1998, pp. 297–298. (in Russ.)

Jakobson R. O. Lingvistika i poetika. In: Strukturalizm “za” i “protiv”. Moscow, Progress, 1975, pp. 193–230. (in Russ.)

Kashkin V. B. Bytovaya filosofiya yazyka i yazykovye kontrasty. In: Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. Voronezh, 2002, iss. 3, pp. 4–34. (in Russ.)

Kozlova E. E. Zaimstvovaniya kak ob"ekt metayazykovoy refleksii ryadovykh nositeley russkogo literaturnogo yazyka (nachalo XXI veka). Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Tomsk, 2012, 25 p. (in Russ.)

Kravchenko M. A., Kravchenko O. V. O sootnoshenii ponyatiy “yazykovoe soznanie” i “metayazykovoe soznanie”. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 9 (51), pt. 1, pp. 105–108. (in Russ.)

Kuznetsova A. V. Metatekst v khudozhestvennom tekste: pragmatika i funktsii. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2020, vol. 13, iss. 9, pp. 265–268. (in Russ.)

Makarov M. L. Osnovy teorii diskursa. Moscow, Gnozis, 2003, 280 p. (in Russ.)

Maksimov V. V. Anormativnyy tekst: poetika i didaktika. *Critique and Semiotics*, 2004, no. 7, pp. 142–152. (in Russ.)

Maroshi V. V. K genezisu narrativa absurda: L. N. Tolstoy i D. Kharms. *Critique and Semiotics*, 2006, no. 10, pp. 98–112. (in Russ.)

Nemyka A. A. Metayazyk lingvistiki: nauchnoe i khudozhestvennoe predstavlenie. Abstract of Dr. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2017, 39 p. (in Russ.)

Novikova V. Yu. Yazykovoy absurd, ego semantika i taksonomicheskie kharakteristiki. Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss. Krasnodar, 2001, 17 p. (in Russ.)

Perfileva N. P. Metatekst: tekstotsentricheskii i leksikograficheskiy aspekty. Abstract of Dr. Philol. Sci. Diss. Novosibirsk, 2006, 42 p. (in Russ.)

Rostova A. N. (ed.). Obydennoe metayazykovoe soznanie i naivnaya lingvistika: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey. Kemerovo, Barnaul, 2008, 480 p. (in Russ.)

Rostova A. N. Metatekst kak forma eksplikatsii metayazykovogo soznaniya (na materiale russkikh govorov Sibiri). Tomsk, Tomsk Uni. Press, 2000, 194 p. (in Russ.)

Ryabtseva N. K. Yazyk i estestvennyy intellekt. Moscow, Academia, 2005, 640 p. (in Russ.)

Sharafutdinova L. F. *Metayazykovoy potentsial estestvennogo yazyka: na materiale kreolizovannykh tekstov*. Cand. Philol. Sci. Diss. Kaliningrad, 2010, 210 p. (in Russ.)

Shumarina M. R. *Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta. (Metayazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoy prozy)*. Monograph. Moscow, FLINTA: Nauka, 2011, 328 p. (in Russ.)

Skoropanova I. S. *Russkaya postmodernistskaya literatura: novaya filosiya, novyy yazyk*. St. Petersburg, Nevskiy prostor, 2002, 416 p. (in Russ.)

Sorokina E. A. *Kognitivnye aspekty leksicheskogo proektirovaniya (k osnovam kognitivnogo terminovedeniya)*. Abstract of Dr. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2007, 45 p. (in Russ.)

Tokarev D. V. *Kurs na khudshee: Absurd kak kategoriya teksta u Daniila Kharmisa i Samyuelya Bekketa*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2002, 336 p. (in Russ.)

Vepreva I. T. *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epokhu*. Moscow, OLMA-Press, 2005, 384 p. (in Russ.)

Zolotova N. O. *Refleksivnost' obydenного soznaniya i estestvennyy metayazyk*. *Voprosy psikholingvistiki*, 2019, no. 4 (42), pp. 50–61. (in Russ.)

Zolotova N. O. *Yadro mental'nogo leksikona cheloveka kak estestvennyy metayazyk*. Tver, Liliya Print, 2005, 204 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Михаил Александрович Кравченко, кандидат филологических наук, доцент
Оксана Викторовна Кравченко, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Authors

Mikhail A. Kravchenko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Oksana V. Kravchenko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 10.12.2021;
одобрена после рецензирования 12.03.2022; принята к публикации 15.03.2022
The article was submitted 10.12.2021;
approved after reviewing 12.03.2022; accepted for publication 15.03.2022